

207196

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ.

ТОМЪ III. IV

Кукольникъ
Редакторъ Н. В. Кукольникъ.

ИЗДАНИЕ М. Д. ОЛЪХИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

СКАЗКА

ЗА

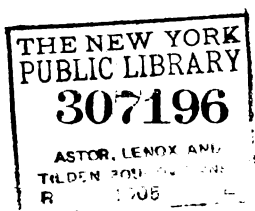
СКАЗКОЙ.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

С. Петербургъ, Ноября 9-го дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

I.

СОЛДАТСКІЙ

ПОРТРЕТЪ.

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ.

I.

СОЛДАТСКІЙ ПОРТРЕТЪ.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО РАЗСКАЗА

Латинска-Побрехенька ()*.

Когда-то, гдѣ-то, былъ себѣ какой-то маляръ, по имени... Вотъ на умѣ вертится, какъ звали его, да не вспомню... Да и нужды нѣтъ до его имени, намъ важно его искусство. Пусть, пока маляръ, да и только. А какъ чудесно малевалъ, такъ на удивленіе? Вы подумаете, что онъ малевалъ такъ себѣ, просто, какъ вибудь, намѣшаетъ краски, зеленой, синей, вишневой, да такъ прямо и мажетъ столъ или

(*) Разсказъ Грицька Основьяненки: Солдатскій Портретъ былъ напечатанъ по Малороссійски; имѣлъ большой успѣхъ; для незнающихъ Малороссійскаго нарѣчія, конечно пріятно будетъ прочесть эту повѣсть въ Русскомъ разсказѣ самаго автора; для каждаго, даже для Малороссійнина, Солдатскій Портретъ въ Русскомъ переводѣ справедливо покажется новостью. Редакторъ.

сундукъ? Э, вѣтъ, погодите немного. Бывало, что завидитъ, что подсмотреть, съ разу съ того портретъ и откатнетъ: хоть будь это ведро, или собака, такъ словно настоящее оно и есть... Посвистишь и замолчишь отъ удивленія. Да еще бывало, намалюетъ, примѣромъ сказать сливу, да и подпишетъ—онъ же былъ грамотный.—«Это не арбузъ, а слива.» Знаете, чтобъ всякой отгадалъ что оно есть такъ точно такъ и есть, настоящая, словно живая слива.

Разъ... Вотъ смѣхъ былъ! — Хлопцы наши отъ хохота, чуть животовъ не надорвали себя. Шутки ради, смалевалъ онъ портретъ съ кобылы нашего мельника, да какъ живо смалевалъ, такъ на удивленіе всему свѣту. Вотъ, намалевавши и говоритъ намъ: «Теперь, хлопцы, смотрите, какая будетъ комедія.»—А мы говоримъ: А ну, ну, что тамъ будетъ?—А онъ говоритъ: «Идите-ка за мною, и несите портретъ мельниковой кобылы.» Вотъ мы, взявши, и пошли себя, да по его наученію, поставили этотъ портретъ подлѣ мельниковаго двора, подперли его хорошенько и смотримъ... Таки точно мельникова кобыла, на одинъ глазъ слѣпа, хвостъ вырванъ, ребра повыдаали, да и голову понурила, будто пасется.

Вотъ, какъ устави́ли ее, а сами, взявши, присѣли, подлѣ плетнемъ въ бурьянъ и ждемъ мельника, а сами крѣпимся сколько можно, чтобъ не хохотать. Какъ вотъ, идетъ нашъ мельникъ Евтухъ и, видно было у него въ головѣ, идетъ и пѣсенку подлѣ носъ себя мурлычить; а потомъ и завидѣвъ кобылу и говоритъ: «Какой негодный мой Охрымъ? (Мельникъ не послѣдняя спица въ сѣдѣ; доходы позволяютъ ему имѣть и батрака, такъ онъ его имѣлъ, вотъ батракато и звали Охримомъ) «Кобыла»—такъ мельникъ съ собою разсуждаетъ:—«къ ночи сошла со двора, а ему

и нужды нѣтъ. Какъ - бы мнѣ поймать ее? — Потомъ снялъ съ себя поясъ, завязалъ петлю, да и началъ подкрадываться къ ней, да все чмокаетъ и приговариваетъ: «тирусѣ, рябая, тирусѣ!!» А потомъ какъ подошелъ поближе, какъ закинетъ ей на шею поясъ, какъ потянетъ къ себѣ изо всей мочи... Подпорки не удержали... Кобыла начала валиться, а мельникъ думаетъ, что она вырывается отъ него; какъ закричалъ во весь голосъ: тирру!... тиррррру-у у! Тутъ наша кобыла какъ упадетъ, а мы какъ захохочемъ и... давай Богъ ноги оттуда... Евтухъ нашъ и остался, катъ вкопанный; руки и ноги одеревенѣли и ни съ мѣста; а кобыла передъ нимъ лежить откинувъ ноги... Уже потомъ, какъ-то въ бесѣдѣ, рассказывалъ намъ, что и долго бы стоялъ, не понимая, что съ нимъ сдѣлалось, да мельничиха пошла его отыскивать; знаете, не много ревнивенька была себѣ, такъ не любила, если мужъ гдѣ засиживался. Такъ вотъ она, какъ увидѣла такъ стоящаго, почти внѣ ума, то не знала что и дѣлать съ нимъ: и отдувала, и водою брызгала, а онъ все, вытараща глаза, глядитъ на кобылинъ портретъ, все думаетъ что это она живая передъ нимъ. Уже какъ смерклося, такъ тогда она, на превеликую силу съ мѣста свела и ввела въ хату; а онъ, знай, свое твердить: «тирусѣ, рябая, тирусѣ.» Чтоже? цѣлую ночь дрожью дрожалъ, какъ будто лихорадка его бьетъ и въ глазахъ все кобыла представлялася. Жена подойдетъ, а онъ все думаетъ что кобыла да все свое толчетъ: «тирусѣ, рябая, тирусѣ.» И до тѣхъ поръ такъ было, пока она его не напоила шалфеєю; тогда только какъ рукою сняло. Вотъ что значитъ сильный перепугъ!

Пожалуйте-же. Къ-чему-же это я началъ вамъ рассказывать? — Да; о малярѣ... те, те, те, те...

Теперь вспомнилъ, что звали его Кузьмою, а по батюшкѣ, Трофимовичемъ. Какъ теперь гляжу на него: въ синей юлкѣ (камзолѣ), затрапезныхъ, широкихъ шараварахъ, пузо подпоясано каламайковымъ поясомъ; а поверху надѣта китайчатая черкеска; на шеѣ, сверхъ бѣлаго воротника, повязанъ краснѣй, бумажный платокъ, сапоги колевые, добрые, съ подковами; волосъ чернѣй, подъ чубъ подстриженъ, а усы рыженькіе, густые и длинныя; не часто брился, такъ борода, всегда какъ щетка; въ горѣлкѣ не упражнялся такъ чтобъ черезъ край, а съ пріятелями, въ компаніи, не проливалъ мимо; славно пѣвалъ на клиросѣ, читалъ бойко и гласы зналъ такъ, что и самъ панъ Аѳонасій, вотъ если знаете, дьячекъ нашъ, и тотъ спотыкался на его напѣвы, какъ заведетъ по-своему. А ужъ этотъ проклятый табакъ такъ любилъ, что не то что; хлѣба-святаго еще не съѣстъ, а безъ этой мерзости и дышать не можетъ. Былъ себѣ пузатъ порядочно, а родомъ, если слыхали Борисовку, въ Курской губерніи, слобода графа Шереметева, такъ онъ оттуда былъ родомъ. Въ той Борисовкѣ наилучшіе богомазы, иконописцы и всякіе маляры. Изъ той-то слободы маляръ и въ нашемъ селѣ зеленилъ крышу на колокольнѣ; да какъ искусно, на удивленіе! Такая крыша вышла зеленая, словно трава въ полѣ. Ужъ не гдѣ правды дѣвать: ни кто лучше ни на малюетъ, ни размалюетъ, какъ богомазъ изъ Борисовки; ужъ не жалъ и денегъ. Какъ же москаль возмется за это дѣло, такъ ну! почешися, да и отойди. Торгуется, требуетъ всего много: дай ему и матеріалъ, и всякой провизіи и денегъ, а какъ удеретъ, такъ гай, гай?.. Ему говоришь: это блакитна, а онъ называетъ по-своему: синяя-ста. Ему говоришь: не годится, а онъ чешется,

смѣется и, знай, свое толчетъ: ничаво-ста, для хохловъ и такое бредѣтъ.

Такъ вотъ, какъ Кузьма Трофимовичъ былъ очень искусенъ въ малярствѣ, то объ немъ слава прошла по всему свѣту. Услышалъ о немъ какой-то панъ, большой охотникъ до огорода; такъ вотъ видите, беда ему: что онъ ни посѣтъ, то воробы въ лѣто все и выключють. Вотъ онъ и позвалъ нашего Кузьму Трофимовича, чтобъ намалевалъ ему солдата, да что бъ такъ списалъ, чтобъ былъ бы словно живой, чтобъ боялись его всѣ воробы; а будетъ, говорить, какая фальшь, прикину тебѣ, не возму. Вотъ и сторговались за два цѣлковыхъ и, какъ уже извѣстно, что ни одинъ мастеръ ничего не возьмется дѣлать безъ водки, то Кузьма Трофимовичъ выговорилъ себѣ еще и осьмуху водки. Вотъ и намалевалъ онъ солдата, да еще какъ! Я говорю и увѣряю васъ, что и живой не будетъ такъ гадокъ, какъ онъ его искусно намалевалъ: мордатый, обдутый, съ пристрашнѣйшими усами, что не только воробы, да и всякому человѣку глядѣть на него страшно. Мундиръ на немъ обвисъ хватски, словно мѣшокъ, застегнутъ вездѣ пуговицами величиною въ кулакъ, сабля бравая, какъ водится съ праваго бока, а ружье!... ужъ погибель его знаетъ, какъ онъ живо смалевалъ! Глядишь и боишься, думаешь, вотъ выстрѣлить! и подступить не смѣешь. А присмотришься на него, такъ вотъ, кажется, вотъ онъ и шевелится, вотъ моргаетъ усомъ, глазами, носомъ, руками дергаетъ, ногами шевелитъ, противъ воли боишься и думаешь: вотъ побѣжить... вотъ станетъ бить!... Такъ-то былъ искусно намалеванъ. Думаю, что во всемъ свѣтѣ не было такъ живо списаннаго солдата.

Нуте. Покончивши этотъ портретъ, Кузьма

Трофимовичъ думаетъ себѣ: можетъ и не угожу pannу, тогда пропали и издержки мои и работа. Повезу куда на ярмарку, поставлю на базаръ и стану прислушиваться, что будутъ люди говорить. Когда стануть его пугаться и прятаться, какъ водится отъ живаго солдата, тогда, Кузьма, смѣло бери деньги; когда же найдутъ что не такъ, то буду подправлять, пока доведу до конца.

Собрался нашъ Кузьма Трофимовичъ и повезъ своего солдата въ Липцы, когда знаетъ кто; вотъ что верстъ тридцать отъ Харькова на дорогѣ къ Курску, большая слобода. Привезши туда, въ самую глухую полночь, какъ еще подлѣ своихъ воевъ всѣ съѣхавшіеся на ярмарку и хозяева въ хатахъ крѣпко спали, и даже изъ кабаковъ народъ разошелся и огонь погасили, онъ и поставилъ тотъ портретъ на самой ярмаркѣ и подперъ его, еще крѣпче, нежели мельникову кобылу, что бѣ вѣтеръ или какой пьяный, а ихъ на ярмаркѣ, какъ извѣстно, всегда много, ходя и шатаясь и наткнувшись на портретъ, не свалилъ бы его; самъ же за портретомъ, накинупъ надъ собою навѣсъ, сѣлъ, что бѣ прислушиваться, что будетъ толковать о немъ народъ и что бѣ поправить какую ошибку по замѣчаніямъ другихъ, приготовилъ и палитру съ красками. Управившись совсѣмъ, присѣлъ, приклонилъ голову и вздремнулъ не много, пока дойдетъ до дѣла...

Какъ вотъ и разсвѣтатъ стало. Еще не пригласи всѣ звѣздочки, какъ уже нашъ Кузьма Трофимовичъ и встрепенулся; понюхалъ табаку, вычихался, потеръ глаза полою; некогда уже было итти за водою чтобъ умыться; подпоясался снова и поясъ притянулъ покрѣпче, надвинулъ шапку къ самому носу и рукавички досталъ, а это, знаете, было около первой

пятницы (*), такъ зори уже холодныя были. Изготовившись, ожидаетъ, что будетъ.

Прежде всего блеснулъ огонекъ въ кабакъ... Гай, гай!—Уже и въ Липцахъ, между нашими народомъ, завелись, какъ будто и въ самой Россіи, вмѣсто шинковъ, кабаки! Откуда же это такъ стало?—Общество насъ такъ скрутило, чтобъ, видите, откупщикъ, за тѣхъ кто не сможетъ платить податей, вносилъ бы деньги; вотъ и нашелся, да не изъ настоящихъ откупщиковъ а—не чего грѣха таить—нашелся изъ нашихъ же, и взялся держать и Липцы, и другія слободы, на московскій ладъ; и уже называется не шинокъ, а кабакъ; и тамъ уже во всемъ другая натура, осьмухи, пѣтъ, а нечестивая кварта. О, да и проворный же народъ! недоѣсть, недоспать, все о томъ только и хлопочетъ, чтобъ зашибить копѣйку. Такая ихъ натура! А какъ только въ этихъ кабакахъ нашего *братчика* обдуриваютъ, такъ ну, ну, ну!—Вотъ это прійдешь въ кабакъ съ своею посудою, что бѣ взять въ домъ на сколько мнѣ надобно горѣлки, да если куда засмотришься куда по сторонамъ или заслушаешься, что москали начнутъ между собою разговаривать по-своему, что и не разберешь ничего, то тутъ и не дольютъ полной мѣры, скорѣе вливаетъ въ свою посуду и уже хотя споръ, хотя бранись, а онъ тебя вытолкаетъ вонъ. Когда же тутъ на мѣсть хочешь выпить, то прикинется будто и добрый; за гривну, почерпнетъ изъ кадки полнехонькую чарку... Тутъ примешься усы разглаживать, утираешься, причмокиваешь съ удовольствіемъ и воображаешь, какъ это знатно выпьется на

(*) 14-го Октября, Св. Прасковья, называется первая пятница; 28-го Октября мученицы Прасковья, другая.

тощакъ... да только что доносишь чарку до рта, и еще не донесешь хорошо... какъ тутъ—вражая мать его знаетъ, гдѣ это *москальча* у аспида возмется, таки словно какъ тутъ, что... Духъ-Святъ при нашей хатѣ!.. Подбѣжить, подтолкнуть... Плюхъ!.. больше половины чарки, назадъ въ кадку!.. Бѣда да и полно!—И уже пьешь и остатокъ скорѣе за тѣмъ, что тутъ разливалъщикъ уже отнимаетъ чарку. Кажется и выпилъ, такъ что жъ?.. Точно какъ есть поговорка: по бородѣ текло, да и въ ротъ не попало; и что бѣ, для здоровья, пошло по животу, такъ и не говори; нечего было и проглотить порядочно. Отъ такой бѣды, вынимаешь другую гривну, что хотѣлъ для дому купить соли, теперь пропиваешь ее противъ воли. — Вотъ такая-то ихъ вѣра, что бѣ содрать со всѣхъ; куда имъ уже и спать при такой охотѣ къ наживамъ? Да таки и то правда, что тутъ спать, и тутъ думать, чѣмъ-бы то и гдѣ бы-то поживиться.

Такъ вотъ, какъ засвѣтилось въ кабацѣ, то и выслали отъ себя *подтолкачку*, не увидитъ-ли кого уже бродящаго по улицѣ, такъ бы скорѣе зазывалъ въ кабацъ. Выбѣжалъ и оглядывался... «Посмотрите на него, на что оно похоже... Что — бы ему голову, подъ чубъ подстричь, какъ водится у людей? а то *потлатый, потлатый!* Волоса полбу длинные, даже въ глаза ему лѣзутъ, уши закрываютъ, по затылку болтаются; и все только, сердечный головою потряхиваетъ, чтобы волоса не мѣшали ему глядѣть и слушать. И рубашка на немъ также не полюдски: вмѣсто бѣлой какъ повелѣваетъ законъ, она у него *красная или синяя и безъ воротника, а съ крючкомъ, да на плечъ полу застегнетъ*; такъ что, кто изъ насъ въ первый разъ отъ роду

увидитъ москаля, такъ и не отгадаетъ что *оно* такое есть.

Вотъ такой-то сталъ подлѣ двери кабака, по-сматривалъ сюда — туда, и увидѣлъ что солдатъ съ ружьемъ стоитъ на караулѣ; вотъ онъ и сталъ кликать его:—«Служба! поди-ка сюда. Стань *тутъ-адысь*, чтобы подѣ часъ когда будетъ драка, такъ не дай насъ въ обиду; а порція отъ насъ будетъ.» Солдатъ стоитъ, неворухнется. *Москальча* крикнуло въ другой разъ, кричитъ и въ третій... Солдатъ ни съ мѣста. *Москальча испугалоя*, чтобы солдатъ не рассердился и не далъ бы ему таски, оставилъ его, по-скорѣе въ кабакъ и заперъ за собою дверь. Слышавши все это, Кузьма Трофимовичъ усмѣхнулся, моргнулъ усомъ и подумалъ себѣ: «Не велика штука одурить москаля. Увидимъ что будетъ далѣе.»

За тѣмъ появилось и солнышко. Тутъ встрепенулись и наши, что понавезли муки изъ Деркачей, Омшаной, были изъ Коломака. Что это, батеньки, изъ какихъ то мѣстъ не понавезли на ту ярмарку разнаго хлѣба! Таки видимо-не видимо стояло тутъ возовъ! Если сказать, что тутъ было возовъ двадцать, то, ей-же-то Богу моему, гораздо болѣе. Тутъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и пшеница, и гречиха и просо—и все, все было. Знаете, пришло время взосить подушное, такъ всякому деньги нужны. Нашъ братчикъ не бабакъ, себѣ на умъ, жлетъ поры-времени. Слава тебѣ Господи! Онъ не станетъ такъ поступать какъ москаль, что покинетъ и жепу, дѣточекъ и всякое хозяйство, да за тою бѣдною копѣйкою *шляется по всѣмъ всюдамы* и забредетъ даже на край—свѣта, да кровавымъ потомъ добываетъ ее. Да чего таки и мудрить? Когда уродилъ Богъ хлѣба, и далъ его собрать, то и ожидай пока прійдетъ